

Юрий Владимирович
Горгуленко

*Что стоит
мне
сравняться
с октябрём...*

Стихи разных лет

Юрий Владимирович Горгуленко

Что стоит мне сравняться с октябрём... Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34332362

ISBN 9785449097040

Аннотация

В этом сборнике я представляю вниманию читателя написанные мною в разное время и при различных обстоятельствах стихи. Вы можете быть совершенно уверены в том, что я всегда стараюсь быть предельно честным в своих произведениях. Мои стихи далеко не всегда автобиографичны, но чувства и переживания в них неподдельные.

Содержание

Что стоит мне сравняться с октябрём	6
В первый раз	8
Говорят, что ты в Австралии...	9
Не видать мне, видно, Райских врат...	11
Случай, как в кино...	13
Солдатские будни для внуков	16
Измерение	18
Разговор с сыном	20
Всю жизнь свою мечтала о Париже	22
Старый актёр	24
Старый кирпич	26
Ты снова мне поближе стал	28
Письма из прошлого	31
Стихами болен я давно	32
Здесь всё теперь совсем не так	34
Мартовское солнце	36
Банька к четвергу	38
Новый Год ветерана	39
Мы не забыли!	44
Души вновь взлетели к Богу стаей	46
Жизнь в кредит	48
Вечерний гость	49
Миражи	51

Что может белый лист?	53
Корабль мой пришёл не в гавань	55
Ну здравствуй, дом...	57
Расходятся пути поэтов	60
Кто же дорог тебе, скажи	61
Есть в России такие места...	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Что стоит мне
сравняться с октябрём...
Стихи разных лет**

**Юрий Владимирович
Горгуленко**

© Юрий Владимирович Горгуленко, 2018

ISBN 978-5-4490-9704-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Кто к Свету стремится неужто подняться не сможет!?

Нищий

Нищий не просил у Бога хлеба,

Что стоит мне сравняться с октябрём

Что стоит мне сравняться с октябрём?
Мне иней так же голову покроет,
И бороду припудрил серебром,
Но, что замёрзло, то водой не смоем...

Что стоит раствориться в небесах?
Какая малость – только покаяние!
Легко сказать... А толку что в словах,
Когда внутри опять греха влияние?

И, как осёл с повисшими ушами,
Так не решив, откуда «сена съесть»,
Стоим и ждём, чего – не знаем сами,
А может быть задуматься, присесть

И, поразмыслив о судьбе неспешно,
Отдаться Богу воле вопреки
И осознать, что я такой же грешный,
Стоящий у темнеющей реки?!

Сквозь заледи пробраться на стремнину,

И, бросив чёлн, на дно его упасть,
Даст Бог, я всё же, всё же не застыну,
И доплыву... К Тебе смогу попасть...

В первый раз

Театр. Сцена. Тишина кулис.
А за кулисами негромкий голос слышен,
И задник за кулисами провис,
С ним рядом юная актриса еле дышит...
Ей первый раз на сцену выходить,
И выход этот труден но желанный.
Ах как же хочется ей в образе пожить,
Открыть талант бесценный, многогранный...
И удивить талантом всех вокруг,
Сорвать овации у всех в огромном зале,
И под софитами с букетом выйти вдруг,
И чтобы в зале все рукоплескали...
И голос вновь негромкий от помреж*
«Очнись, родная, реплику услышишь?»
Смотри мне, от себя чего не врежь,
И будь смелей, а то чуть еле дышишь...»

*помощник режиссёра

Говорят, что ты в Австралии...

Навсегда ли ты «ушла в Австралию»,
Жизнь свою пытаешься зачеркнуть,
Вечно убегая в нереалии,
Прекратила Богом данный путь?

Что ж ты натворила, что ты сделала,
На кого оставила родных?
А свою ты Душу просто предала-
Не поступок, а удар поддых...

Не взлететь тебе и не покаяться,
Избрала иной себе удел,
Сыну твоему за маму маяться,
Дай-то Бог, что б он остался цел...

Без тебя внучата станут взрослыми,
В школу их не сможешь проводить,
Бог сподобит, тоже будут рослыми,
Но не сможешь это оценить...

Уберечь не сможешь внучку чистую,
От того, что надо бы сберечь
Девочку красивую, лучистую...

Как смогла ты этим пренебречь?

Но смогла. Сломалась. И теперь уже
Вряд ли можно что-то изменить,
Жизнь свою прервав на этом вираже,
Не нашла ты силы дальше жить...

Навсегда «уехала в Австралию»,
Всем об этом так и говорят...
Только где сейчас ты, точно знаю я,
Вспоминая твой потухший взгляд.

Не видать мне, видно, Райских врат...

«Не жалею, не зову, не плачу...»

С. Есенин

Где ты, земляничная поляна,
Майский день с прохладным ветерком?
Прежним я теперь уже не стану,
Не пройду по лугу босиком.

Снег скрипит устало под ногами,
Засыпает тихо все пути...
Мне б найти дорогу вместе с Вами,
Только вряд ли мне её найти.

До весны дожить и осторожно
Окунуться снова в светлый май,
Только жаль, что это невозможно,
Как зимой об этом не мечтай.

Не пройти мне по весне тропюю,
Где созревших ягод аромат...
Знаю я, что я того не стою,

Не видать мне, видно, Райских врат.

Отцвела ты, юность, отпылала,
Прежним мне теперь уже не стать,
Но душа молиться не устала,
К Богу приведёт Святая Рать.

И, быть может, всё таки весною,
Между нежных беленьких цветов,
Вы проститесь, наконец, со мною,
Я свободен буду от оков...

Случай, как в кино...

Сбитые коленки,
на локтях зелёнка,
нос курносый от жары облез.
Прислонилась к стенке
вся в слезах девчонка,
рядом с нею наш сосед балбес
криво ухмыляясь
лезет целоваться —
сила есть – совсем не нужен ум,
та же, защищаясь,
пробует не сдаться,
прёт пацан, не думая, на штурм.

Вдруг, почти без звука,
младшая сестричка
сзади к ним поближе подошла,
взяв лопатку в руку
(ну держись, обидчик)
по башке удар свой нанесла.
Заорал от боли
на весь двор верзила
и рукой схватился за висок,
– «Ну доволен, что ли,

я же говорила,
пусть пойдёт тебе наука впрок!»

«Дура, ты, Катюха,
чѐ лопатой драться,
ты ж меня убить вполне могла,
и порвала ухо,
как теперь купаться,
в голове теперь сплошная мгла...»

«Ну даёшь, ты Катя —
ей сестра сказала-
натворила ты, Катюшка, дел,
у него же братья...
Страшно-то не стало?»
– «Нее, пускай не чинит беспредел.»

Во дворе Катюшку
сильно уважали,
к старшим сѐстрам все боялись лезть,
пацаны втихушку
меж собой шептались —
«Катькиных не трогай, будет месть!»
Пролетело время,
выросли сестрѐнки,
замужем все три уже давно,
и иное племя

далеко в сторонке...

Случай тот, как старое кино...

Солдатские будни для внуков

Парадный китель маловат,
Тускнеют орденские ленты...
Сегодня загрустил солдат,
Считая жизни дивиденды...

Но прибежал румяный внук
И с ходу к деду на колени...
Вдруг участился сердца стук —
От грусти не осталось тени.

Один как лунь совсем седой,
Другой с кудрявой головою,
Вот к деду внук прильнул щекой
И просит: «Поиграй со мною!»

И дед не в силах отказать,
Фуражкой кудри закрывая,
Спросил: «Во что начнём играть?»
А тот, фуражку поправляя —

Сказал ему: «Конечно, дед,
Играть в войну сегодня будем!»
— «Тогда вначале на обед,

А после жизнь солдатских буден»

Все в жизни сделано не зря —

Тому порукой наши внуки!

Пусть вновь и вновь придет заря

И каждый день не будет скуки!!!

Измерение

Я измерил шагами лето,
Правда – сколько, забыл все в спешке.
Мерил осень промокшим светом,
Но и здесь не расставил вешки.

Мерил зиму шарфами, вьюгой,
Мерил снегом, к весне капелью,
А еще отошедшим другом,
Но не помню – с какой же целью ...?

Мерил вёсны водою талой,
Майским солнцем, грозой с дождями,
Встречей жданной, но запоздалой,
ОчеткАми и теплыми днями.

Я измерил любовью годы —
Было много – летели быстро :
Свадьбы, дети, суды, разводы...
Не судьба – на плече коромысло...

Измерял я стихами душу,
Ты мне, Боже, прости за это!
Только вряд ли удобно слушать :

Что там зреет, в душе поэта.

Сколько раз я вставал и падал,
Сколько раз разбивал колени...
Сосчитать бы – задачу задал,
Но не хватит на это лени.

Только жизнь мою Бог измерил —
Сколько станется – все со мною.
Важно то, что я в Бога верю,
Хоть любви я его не стою.

Разговор с сыном

Здравствуй, сын, мы давненько с тобой не встречались.
Да и повод, пожалуй, не очень подходит для встреч...
Так уж вышло, сынок, что со мною сегодня расстались,
Надо мною пропели молитвы и сказана речь.

Ты прости меня сын, только ждал я тебя ежечасно,
Так хотелось мне рядышком видеть родное лицо...
Только ждал я тебя, получается, снова напрасно —
Видно был для тебя не совсем я хорошим отцом.

Видно дел у тебя неотложных скопилось не в меру,
Что не смог ты на встречу ко мне чуть пораньше придти...
Я тебе оставляю всё то, что имею и веру,
Веру в Бога, сынок! Только ты обо мне не грусти...

Я окончил свой жизненный путь, ты прости, так уж стало!

Что поделать, родной, ты остался теперь без меня...
Подкосила меня не болезнь и, конечно, не старость...
Впрочем хватит об этом. А съехалась всё же родня!

Ты не знаешь здесь многих, прости, не успел познакомить.
Здесь и братья мои и забытая мною сестра,

Что привыкла за жизнь на родных и чужих экономить...
Даже тётушка здесь, помогли ей приехать вчера.

Вижу слёзы твои, ты не плачь, дорогой, улыбайся!
Мне же больно смотреть на скупую мужскую слезу...
Я ушёл навсегда, ты теперь без меня оставайся,
Лучше радость, не грусть, я с собою твою «уведу».

Что я вижу сынок, ты у гроба стоишь на коленях?
Что я слышу, родной, с губ твоих проронилось «прости»?
Встань, прошу тебя встань, не вернуть нам ушедшее вре-
мя,

Я прошу тебя, сын, перестань и поменьше грусти!

Я простил тебя сын, ты не мучай себя понапрасну,
Посмотри ты вокруг, тебя любят и я же с тобой...
А в себе замыкаться, поверь мне, бывает опасно,
Ты прими всё как есть. Кто же в прятки играет с судьбой?

Так положено, сын, что родителей дети хоронят.

Хуже если детей провожают отцы в преждевременный
путь.

хорошо когда дети родителей ценят и помнят,
Лучше если при жизни не дают своим чувствам уснуть...

Всю жизнь свою мечтала о Париже

Она всю жизнь мечтала о Париже,
Желала встретить своего Дюма,
Но город тот не становился ближе,
Хотя о нём прочитаны тома
Бестселлеров и книг немного проще.
И каждый вечер слушала шансон,
Шарль Азнавур влюблял в себя всё больше...
Годами видела один и тот же сон :
Когда она по набережной светлой,
От фейерверков праздничных, идёт,
Исполнен час судьбы её заветный,
Вокруг ликует радостный народ!
Она среди народа в лёгком платье,
Встречает взглядов не прикрытый зов,
На ту поездку смело всё потратив...
Но это всё из прошлых, прежних снов.
И вот уже, казалось, всё срасталось
И взят билет, и собран чемодан,
Но тут же, как назло случилась малость,
И был билет в мечту вновь в кассу сдан.
А просто в Питере вдруг заболела мама
И попросила: «Дочка, не грусти,
Прости меня, капризная я дама,

Но ты у мамы просто погости.
Сама же знаешь, я совсем не вечна,
Я, может, дни последние с тобой,
Хоть жизнь настолько наша быстротечна,
Ещё увидишь ласковый прибор.
И по Парижу с кем-то погуляешь,
Шампанского попьёшь в своём бистро...
Побудь со мной. И, дочка, понимаешь,
Не зря теперь болит моё нутро...

Осталась дочь. И сидя на диване,
Смотрела вместе с мамой новость дня,
Как грузовик живых людей таранит,
А кто-то это на мобильник снял...

Старый актёр

Взгляд в зеркало потухших серых глаз,
Через года ушедших лет и мнений,
Морщинки промелькнувших настроений
На сердце отложились в виде фраз.

Програмки стопкою лежат в углу стола,
На них давно коллег прожиты роли,
Надежды, встречи, старые гастроли
И годы, прогоревшие дотла...

Что впереди? Спектакль, или будни
Без сцены, реплик ...? Новые спектакли?
И мысль опять: «А так ли жил и так ли
Живу сейчас? Не записали б в трутни...»

Вокруг на фото старые актёры
С улыбкой смотрят и, быть может, с грустью...
И приступ с сердцем, может быть, отпустит,
А может быть опять придут дублёры...

Взгляд в зеркало... Уже парик прилажен,
Напудрен нос и убран грим подальше —
«Дай Бог сегодня обойтись без фальши...»

Спектакль этот для тебя так важен!

Жизнь вся прошла на театральной сцене,
И было всякое и ты давно «Заслужен»,
А голос твой немножечко простужен,
Но свеж и прост, и не готов к измене.

Ты отдал всё, что было, Мельпомене,
И, в мастерстве с годами возрастая,
Ты потихоньку с каждой ролью таял,
Но до сих пор ты не готов к измене!

А вечером, когда сольются тени,
Вернёшься в холостяцкую «берлогу»,
Уставшие под плед уложишь ноги,
И новый текст уложишь на колени...

Моему старому другу, актёру, отдавшему этой профессии
всю свою жизнь,
Василию Васину посвящаю!

Старый кирпич

Старый кирпич, повидавший виды,
Столько прожил, что нам и не снилось,
Ни на кого не оставил обиды.
Быть ему в храме когда-то случилось.
Лёг на фундамент, сработанный ловко,
Из глыб огромных, без всяких осколков.

Так и лежал, слушая Гимны,
Служкам Господним тихо внимая,
Рядом собратья лежали мирно,
С июня до августа и дальше до мая.
Год за годом, лежали веками,
Крепко вцепившись в друг друга руками.

Только пришли времена лихие,
Долго ли, мирно храмы стояли,
Сотнями люди явились плохие,
Храмы Господни с землёй сровняли...
К стенам храмов монахи встали,
Люди со звёздами их расстреляли.

Старый кирпич кровь впитал монахов,
Сам пострадал от дождя из стали,

Лёг у фундамента и без страха
Братья его все вокруг упали.
Люди сложили кирпич на телеги,
Кто-то осколки собрал – обереги...

Печь сложили из этих «братьев»,
Хлеб в печи выпекают люди,
Вот бы опять вместе всех собрать их,
Храмы сработать. Мы не забудем
Чьей кирпичи пропитаны кровью,
А если забудем, Господь напомнит!

Ты снова мне поближе стал

Давно трещат дрова в камине,
Теплом наполнен старый дом,
А грусти нету и в помине,
И ждёт меня бокал с вином.

С вином, как дом, таким же старым,
(В нём с лёгкой горечью «букет»,
Из Хайфы друг прислал. Не даром
Живёт он там десяток лет,

Живёт в Израиле, но всё же
Не смог никак забыть Союз.
И часто сон его тревожит,
Что он, кудрявый карапуз

На пруд бежит с таким же другом,
Облуплен у обоих нос,
Их нет счастливее в округе...
И сам собой встаёт вопрос :

Зачем страну «пустили с горки»,
Зачем пустили под откос,
Кому, как в старой поговорке,

Мешал наш крепкий «паровоз»?

Мешал! Да и сейчас не мало,
Кто нас готов без масла съесть,
И меньше их, увы, не стало,
Но НАМ СТРАНУ БЕРЕЧЬ И ЧЕСТЬ!

Искал со старым другом встречи,
Звонил ему, не раз писал,
Всё думал, что ему отвечу,
Как спросит: «Старый аксакал,

Ты что же бороду седую,
Как лунь угрюмый отрастил?»,
А я сижу и в ус не дую —
«А помнишь, сам кудрявый был?»

Но встречи нашей не случилось,
Да, «не имела места быть...»
Сказал: «Прости, так получилось,
Пришлось мне многое забыть...»

А я на друга не в обиде,
Увы, приходят времена,
Когда и дружбу режут в МИДе,
Когда не скажешь всё сполна...

Но не забыл меня он всё же
И высрал старого вина,
Намёк, что дружба-то дороже,
Пусть даже внешне не видна...

Мой старый друг, насельник Хайфы,
Я поднял за тебя бокал!
Пусть одному «и не по кайфу»,
Ты снова мне поближе стал...

Письма из прошлого

Перепечатаны начисто новые строки,
Чувство осталось, но там, в лабиринтах души...
Мы, извлекая из жизни былые уроки,
Все же меняем рубли на гроши, на гроши.,

Пляшут на стенах и мечутся прошлого тени,
Кажутся нам нереальными прошлые дни,
Мы их в красивые снова одежды оденем,
Вспомним слова прежде срока ушедшей родни...

Что нам до них, если даже с собою не сладим,
Если в себе разобраться мешает пустяк,
Если ушедшее прошлое мысленно гладим,
Не замечая разменный потертый пятак?

Стихами болен я давно

Стихами болен я давно,
И кто от боли той избавит?
А кто во мне стихами правит —
Понять мне это ли дано?

Когда покой уходит прочь,
И правит бал сомнений ворох,
До сИх не отсыревший порох
Уснуть не даст мне в эту ночь...

Пошли покой моей душе,
Тот, кто во власти сделать это,
Избавь от участи поэта,
И дай мне разум сокрушен...

И так грехам не знаю меру,
А тут еще стихи пишу...
Когда ж проблему разрешу
И обрету благую веру?

Как видно, страсти так крепки,
Что в одночасье не отпустят...
И нет спасения от грусти,

Но жить без грусти не с руки...

О, Боже Правый, помоги,
Дай мне избавиться от слога,
Что так мешает мне в дороге,
Дай мне отдать свои долги...

Здесь всё теперь совсем не так

Здесь всё теперь совсем не так,
Совсем не так, как было прежде...
И что с того? Какой пустяк,
Что не вернуться к той надежде,
Что с детством каждый день росла
И обещала много света,
И горы целые тепла?
С годами не нашли ответа
На то, куда же всё ушло,
Куда же скрылось всё, пропало?
А то, что мы храним тепло,
Так много это – или мало?
По старым улочкам пройду
Я с оператором безвестным
И снова в детство окунусь...
И как-то станет неуместным :
Пивной ларёк на месте слив,
И магазинчик вместо сада,
Фасад обшарпан, сломан слив,
А вместо лавочек ограда...
И всё уже совсем не то,
Вокруг совсем другие лица,
Как будто я в чужом пальто

И больше некуда стремиться...

Нет, не вернуться в детство вновь,

Пусть память, всё же, воскрешает

То место, где жила ЛЮБОВЬ!

Где это всё, кто это знает?

Мартовское солнце

Мартовское солнце снег лежалый топит,
С каждым днём всё выше горизонт,
Воробей весёлый вновь весну торопит,
Ждёт дождя мой старый добрый зонт.

Две сестры близняшки снимали шапки,
И смеются... Лужи – ни по чём!
А кораблик белый – листик из тетрадки,
Вновь плывёт струящимся ручьём.

Озорницы к солнцу куртки расстегнули,
Их весенний ветер не страшит,
Стайку птиц каких-то с деревца спугнули...
В день весенний кто ещё спешит?

Свежим хлебом пахнет – съедена горбушка,
(Что-то скажет бабушка про них?)
И повеселела старая избушка —
Тополь древний сбоку к ней приник.

Смех весёлый льется вместе с талым снегом,
Растворяясь в лужах и ручьях,
Радостным, весёлым, чудным оберегом,

Как, пожалуй, только в детских снах!

Банька к четвергу

Как хорошо в четверг помыться в бане,
Когда ничем ты к вечеру не занят,
Препятствия никто чинить не станет,
А дым из труб тебя помыться манит!

Когда труды все к вечеру иссякнут,
А банька топится и веничек запарен,
А ты попаришься и тело всё обмякнет,
И взгляд на жизнь пускай элементарен...

Ты из парилки выскочишь к сугробу,
И в белый снег с разбега с головою,
И, вдруг почувствовав голодную утробу,
Заваришь чай с душистою травой.

А чай попьёшь и снова жить охота,
Пропаренные кости отдыхают,
Напаришься в четверг после работы,
И пусть на два часа «мозги растают»...

Новый Год ветерана

Зимний дом. Трещат дрова в камине,
Над камином тихий стук часов,
В чашке синей чёрный кофе стынет,
Дверь закрыта крепко на засов.

Чёрный кот лохматый, с белой грудью,
У камина ковриком лежит.
Спит хозяин, кот его не будит,
Время потихонечку бежит.

Из колонок по углам камина
Моря шум и шелест голосов,
Над камином шпага под картиной —
Что ещё для зимних надо снов?

Беспокойный сон не долго длится,
Бой курантов время возвестил,
Вот уже хозяину не спится,
Он глоток из чашечки отпил.

Не смутил его холодный кофе,
Он, привстав, достал ещё коньяк,
Рядом тот стоял в хрустальном штофе,

Выпил рюмку и слегка размяк.

«Новый Год! По сути, что за праздник?

На год ближе к смерти – и всего...»

А январь как будто снова дразнит,

Время забирая у него...

Жизнь сложилась – или не сложилась,

Как ему о времени судить,

Как жилось ему и как служилось?

Только то, что было, не забыть!

Голос муэтдина на рассвете

На молитву будит кишлаки.

Утро снайпер вновь встречал в секрете,

В кишлаке кричали ишаки*.

На тропе у серого утёса

Показался первый моджахед,

На спине рюкзак тяжёлый нёс он,

Пятеро ещё ему во след,

Тоже с рюкзаками. Автоматы,

И гранаты в новеньких чехлах...

«Кто-то же несёт такие траты...» —

Думал снайпер, чтоб невольный страх

Подавить под «ложечкой», в коленях,
Меж лопаток липкий страх унять,
Усмирить его в набухших венах,
Всё понять и этот бой принять.

Первый был положен прямо в сердце,
На колени встал и рухнул ниц,
Пятого отправил следом «греться»,
Остальных уже не видел лиц.

Положил их всех. С тропы не скрыться,
Даже и ответить не смогли,
И аллаху нЕ дал помолиться,
Шестеро в ущелье полегли.

«Надо уходить. Что с рюкзаками?
Мало перевозчиков убрать...»
– Мысли не потоком, а рывками, —
«Как бы рюкзаки ещё собрать?»

Не успел. Спуститься к ним не дали,
Но и оставлять нельзя никак...
«Мать твою... Вот нЕ было печали,
Целый взвод ещё, ведь не пустяк...»

Целился не долго, на удачу,
И, промолвив: «Господи, прости»,
Дав поправку в ветер, на отдачу,
Медленно крючок потом спустил.

Он попал. И грянул взрыв гранаты,
Ждать не стал пока в него пальнут,
Обругал недобрым словом Штаты,
Снялся и бегом, как нЕ был тут.

Десять дней без права передышки,
Десять дней по скалам и камням,
Уж не помнит, как на наших вышел...
«В штаб бы мне!» – успел сказать парням.

Чуть в себя пришёл и всё, «приплыли»,
Год почти допросов, а потом,
Все заслуги прошлые забыли...
И один сидит теперь с котом.

Спросите жена? Жена сказала :
«Ждать мне надоело, ухожу,
Я с тобой почти старухой стала,
А другому, может быть, рожу...»

После перестройка, бизнес, «мани»,

Внешний лоск и, вроде бы успех,
Только он теперь почти на грани...
Новый Год – то праздник не для всех...

Новый Год застыл в афганских скалах,
В этот «праздник» он всегда один,
В кишлаке, а не в парадных залах,
В Новый Год взывает муэтдин...

*Ишак – осёл

Мы не забыли!

Друзья мои, ах как бегут года!

Твердим друг другу :

«Помнишь ли, а вспомни,

Как мы любили юные тогда,

А помнишь то, какой была ты скромной?»

– « А ты скажи, неужто ты забыл,

Какой ты был кудрявый и весёлый?»

– « Мне кажется я с детства лысым был,

Ну а весёлым ... – просто бестолковый!

И весил я едва ли шестьдесят,

А может быть и меньше килограммов.»

– "А я была и вовсе сорок пять,

Теперь в два раза больше – трижды мама,

Но внучка у меня совсем, как я,

Улыбка та же, рыжие веснушки...

А где скажи теперь твоя семья ...,

Прости вопрос. Ведь я уже старушка...»

– «Старушка, ты? Да ладно, не смейся,

Морщинки нет и зубы все на месте,

С тебя хоть щас портрет ещё пиши,

Ты фору дашь молоденькой невесте!»

– " Ты снова мне, как в детстве, снова врешь,

Но мне приятно, что ещё здесь скажешь?

Но ты и сам вполне ещё сойдёшь...
А лысину свою ты чем-то мажешь?»
– " Да это всё пустое, пустяки...
А помнишь Вовку с первого подъезда,
Что мял, как глину, в пальцах пятаки?
Так нет его... А помнишь после съезда
Мы ждали снова лучших перемен,
А дождались крушения Союза?
А Сашку помнишь, видный супермен,
Так для него была Наташка музой!»

Тот долго продолжался разговор,
Так долго мы друг друга не видали,
И пусть уже не так наш крепок взор,
И пусть сейчас на столько старше стали...
Но юность в нас по прежнему жива,
Пусть старше наши вера и надежда,
За то любовь по прежнему права,
Она же не ветшает, как одежда!

Души вновь взлетели к Богу стаей

Души вновь взлетели к Богу стаей,
Будем помнить всех их поимённо,
След их тихо в зимнем небе тает,
Словно светлой песней окрыленный...

Реквием сегодня не смолкает,
В храмах православных панихиды,
Вся Россия головы склоняет,
Снова сердце плачет от обиды :

«Как же так, скажи нам, СВЯТЫЙ Боже,
Кто же сможет нас утешить в горе,
Кто же в горе нам теперь поможет?» —
Нам полмира в этом горе вторят...

А Господь, на нас с Небес взирая,
Отвечает строчками Писаний...
Попадёт к Нему, достойный Рая,
Недостойный так же участь знает.

Несозревший плод упасть не сможет,
Каждый ждёт назначенного часа.
Знаю, горе души людям гложет,

Но не может вдруг прерваться трасса.

Души вновь взлетели к Богу стайей,
Будем помнить всех их поимённо,
След их тихо в зимнем небе тает,
Словно светлой песней окрыленный...

Вечная память всем погибшим в авиакатастрофе над Чёрным морем 25.12.2016!

Жизнь в кредит

Не у всех можно брать кредит.
Не у всех, это ясно, но всё же,
Чаще этот совет забыт.
Мы берём – вдруг «авось» поможет.
Не поможет, поверьте мне,
Каждый раз проверяя грабли,
Мы ведём себя, как во сне —
Лбы набиты, мозги ослабли...

Жизнь, конечно, даёт кредит,
Но какие возьмёт проценты?!
Лоб болит, ведь граблями бит,
Но расставлены ли акценты?

Вечерний гость

Вечерний гость, незванный, но желанный,
Но как так может быть? Но так и есть!
В окно стучится дождик долгожданный
И мне несёт весны благую весть.

Открыв окно, я друга повстречаю
И приглашу его в свой старый дом,
Налью ему с лимоном кружку чая...
И с дождиком мы вспомним о былом.

Он подоконник мне слегка промочит
И старую листву прольёт вокруг,
И про весну мне свой сонет настроит,
И успокоит вновь, как старый друг.

И струйками надежду мне оставит
На вымытом заплаканном окне,
И вновь, как может он, весну прославит,
Всплакнув о наступающей весне.

И что-то прошептав, уйдёт под вечер,
Чтоб завтра вновь тихонечко прийти,
Скажу ему: «Я рад, дружище, встрече,

И лучше друга точно не найти!

Миражи

Миражи, миражи, и только...
Не вернуть их и не догнать.
Знать бы нам впереди их сколько,
Постараться их суть понять.

Но мираж – он и есть химера,
От реальности сотни миль...
Но жива в человеке вера —
Сгинет буря, вернётся штиль...

Может быть... Только много ль прока
В том, что нет ветерка совсем,
В том, что воздух стоит до срока,
Настоявшись – угрюм и нем?

Если ветер не грянет вскоре,
Что наполнит нам паруса,
Унесёт кто печаль и горе,
Кто нас будет звать в Небеса?

Раскалилась земля и сушит
Солнце зноем. Засохших трав
Не вернуть обгоревшие души,

Не понять, кто же был не прав...

Миражи, миражи над полем,
Закрывают нам горизонт,
Миражом прикрываем горе
И используем словно зонт...

Только буря зонты ломает,
Вдаль уносит немой мираж...
Тот, кто был им подвластен, знает,
Буря сильным даёт кураж...

Растворится мираж сомнений,
И откроется снова даль,
Обнажая реальность мнений.
Но не всем. А вот это – жаль...

Что может белый лист?

Что может белый лист, и чем он «дышит»,
Когда на нём ни завитка, ни грязи,
Пока на нём указа нет, что в князи
Назначен тот, кто нас совсем не слышит?

Что значит белый лист, пока великий
На нём не написал бессмертных строчек,
Пока на нём поэму не настрочит
Тот, кто украсил книги светлым ликом?

Безвиновен белый лист, пока предатель
Не написал на том листе доноса,
Пока он чист, то нет с листочка спроса,
И не ответит тайного податель...

Пока в любви признаний не видали
Мы на листе, что чист и безупречен,
Ты можешь быть ещё вполне беспечен,
И перспективы нет у этой дали...

Но только строчки лягут на бумагу,
И белый лист наполнен будет смысла,
Тогда искать опору коромысла

Придётся тем, кто проявил отвагу...

А может не отвагу, может низость,
А может быть любви высокой пенье,
Как только ты листу окажешь близость,
Окажет лист тебе повиновение.

Сам выбирай, что лучше, то что ближе,
И от тебя судьба листа зависит —
То, что напишешь – выше или ниже,
Под топором ли, запись та зависнет...

Корабль мой пришёл не в гавань

Я протоплю сегодня баню,
Да так, чтоб каменка – огонь,
Да чтоб парилочка – на грани...
Напарившись, возьму гармонию
И растяну меха пошире,
Да гряну песню про Байкал,
Да чтоб меня сегодня в мире,
Никто-никто бы не искал...

Пускай моя тальянка плачет,
И пусть душа моя поёт,
И сердце пусть от жара скачет,
Да тело пусть пока живёт...
А я сегодня затоскую,
Но чтоб никто мне не мешал,
И выпью за тебя, такую —
Что и любить не разрешал...

Ты словно Дама из камей —
«Мечта поэта», дева грёз,
Я думать о тебе не смею,
Но столько лет люблю всерьёз...
Пусть Баргузин сильнее воеет

В старинной песне про Байкал,
И пусть сегодня сердце ноет,
Тебя я снова потерял...

Корабль мой пришёл не в гавань,
А приютился среди скал...

Я протоплю сегодня баню,
Да так, чтоб каменка – огонь,
Да чтоб парилочка – на грани...
Напарившись, возьму гармонию
И растяну меха пошире,
Да гряну песню про Байкал,
Да чтоб меня сегодня в мире,
Никто-никто бы не искал...

Ну здравствуй, дом...

Давно нетопленная баня
И покосившейся забор...
Вдоль колею пробили сани
Сквозь снег, засыпавший весь двор.

Не встретит пёс весёлым лаем,
И голубь не вспорхнёт с крыльца,
Страницу жизни пролистаем,
А талый снег смахнём с лица...

И ком у горла, запоздалый,
Сквозь дрожь из сердца вырвет стон :
«Ну здравствуй дом, мой друг бывалый,
В снегу со всех, со всех сторон...»

Калитка на ветру скрипела,
И ветер ставней бил в окно,
А выюга тихо песню пела —
Такое вот у нас «кино»...

«В отцовском доме столько не был,
Стою и не могу понять —
Толь дом не тот, толь это небыль,

Но память сердца не отнять :

Вон две зарубки на берёзе —
Сам оставлял, когда ушёл...
Там мамины скупые слезы,
Мне девятнадцатый пошёл.

С тех пор уже не возвращался,
Сначала армия, потом
Уж где я только не мотался,
Увы, в один не вмЕстишь том,

Коль написать о том, что было,
Коль рассказать, как на духу
О том, что славно, что постыло,
Перемолола жизнь в труху...

Теперь вернулся – мамы нету,
Отцу глаза не закрывал...
Господь призвал меня к ответу,
Я снова здесь. Снег засыпал

Дорогу мне к родному дому...
А может выйти не давал,
Чтоб снова я прильнул к родному,
Да память к детству отыскал?

Чтоб возвратиться мне к истоку,
Крыльцо родное целовать...
А может в этом нету проку?
Ведь жизнь сначала не начать!»

Стоял и плакал у крылечка
Видавший виды генерал...
«Пойдём ка в дом, протопим печку» —
Шофёру старому сказал...

Расходятся пути поэтов

Расходятся пути поэтов —
Иной поэт «идёт в народ»,
Другой от жизни ждёт ответов,
А третий – Господу поёт.

Один стремится поругаться,
Другой стремится всех учить,
А третьему не надо драться,
Он будет Господу служить!

Один всё время не доволен,
Другой любви земной певец,
А третий выбрать всё же волен
То, что вложил в него Творец.

Тот, третий, путь не выбирает,
Его Господь себе избрал,
Но третий лучше первых знает
Зачем пришёл и где финал.

Кто же дорог тебе, скажи

Кто же дорог тебе, скажи,
Без кого ты не мыслишь вечность?
Может всё это миражи,
Непростительная беспечность?

Может те, все кого ты чтил
И кого почитал за друга,
Временами тебя учил,
Но оставил во время недуга?

Сколько лет проживёшь ты, век,
Иль от века всего лишь малость?
Что потом, скажи, человек,
Радость вечная, просто усталость?

Отзвеневшую суету
Не уложишь в футляр сомнений.
И увядшую красоту
Не вернёт тебе даже гений.

Только есть красота души,
Что пребудет с тобою вечно!
Искру эту не потуши,

Время так, увы, быстротечно...

Есть в России такие места...

Есть в России такие места,
Где все краски поникли, поблекли,
Где не селится красота,
Где не Рай, а подобие пекла.

Там и птицы весной не поют,
По периметру рыщут собаки,
Где на волю уйти не дают,
Где ночами разборки и драки.

Есть в России такие места,
Где не видят родных и знакомых,
Где ни деревца, ни куста,
Но немерено насекомых.

Где теряется времени счёт,
Хоть и думают: «Сколько осталось?»
Не гадают там чёт, иль не чёт,
Где как пропасть усталость, усталость...

В тех местах краски стёрты на нет,
Где сиделец, а где там охрана?
Где скопление горя и бед,

Где и сон и подъёмы по плану.

Серый цвет этих сумрачных мест
Переходит на серые лица,
Там живут мужики без невест,
И забыли там как веселится...

Есть в России такие места,
Где все краски поникли, поблекли,
Где не селится красота,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.